

критике, вернулась к критике театральной, стала редактором отдела культуры. И давно уже выучившись и особо жесткой в „Ъ“ тех лет газетной дисциплине, и умению приводить свой личный стиль в соответствие с форматом газеты, нашла в главе блока культуры ИД «Коммерсантъ» Алексея Тарханове не просто начальника, но и настоящего учителя. Думаю, в итоге профессии я научилась именно у него. Тарханов сейчас спецкор в Париже.

Что касается меня, то после пятнадцати лет работы в „Ъ“ я почувствовала чуть ли не полное личное сращение с брендом: все, что происходило в газете, ощущалось слишком уж глубоко личным. Я всерьез задала вопрос, есть ли жизнь без «Коммерсанта»? И ушла из редакции. Как выяснилось, жизнь есть, но с «Коммерсантом» она все-таки интереснее. Теперь я снова пишу в „Ъ“ из дома. Правда, на вокзал уже не бегаю.

**Ольга Вершинина (Драмарецкая),
директор студии документальных фильмов
«Ястребфильм», режиссер и сценарист.**

— Когда Макс Поляков сделал мне предложение пойти работать в «Коммерсантъ», счастью моему не было предела. На тот момент это было лучшее, о чем я могла только мечтать!

Сейчас по прошествии тринадцати лет (!) могу уверенно сказать, что это были, пожалуй, самые интересные, самые творчески «безбашенные» времена в моей профессиональной жизни. Было дозволено абсолютно все. Естественно, в рамках закона, профессиональной этики и человеческой порядочности.

Было много казусов, неурядиц, проблем, возникавших после выхода той или иной публикации. Но никогда „Ъ“ «своих не сдавал». Бывало страшновато входить в зал заседаний ЗакСа после выхода какой-нибудь статьи. Помню, как случайно во время верстки перепутались подписи к фото Жореса Алферова и Виктора Черкесова в моей статье. Обычное дело. Один стал генералом ФСБ, а другой — нобелевским лауреатом. Но господина Алферова это очень задело. Он негодовал и требовал извинений и опровержений. Не шутка ли — «обозвать» генералом ФСБ! Могут и поверить.

Но больше всего я вспоминаю Владимира Анатольевича Яковлева — бывшего губернатора Петербурга. И натерпелся же он от меня... Но надо отдать ему должное: он умел общаться с журналистами. С ним можно было просто поговорить. Обо всем. А потом опубликовать. Он понимал, что журналист делает свою работу, и относился к этому с уважением. На мой взгляд, его роль в развитии Санкт-Петербурга недооценена.

В „Ъ“ была одна политика — это политика свободы слова. Я уверена, что свобода слова — это внутреннее состояние души и мысли, которое никто не может отнять, ограничить или запретить. Надеюсь, за прошедшие годы в „Ъ“ в этом отношении ничего не поменялось.

**Иван Чеберко,
обозреватель газеты «Известия»:**

— В сентябре 1995 года питерская редакция „Ъ“ выпустила первое коммерческое приложение. Делалось это тайком от московской редакции, потому что получить разрешение выпустить на месте коммерческое приложение было бы, наверное, сложновато. По крайней мере, это точно

было бы долго, а тут требовалась оперативность. Первое приложение было про «Союзконтракт»: основой бизнеса этой компании были куриные окорочка, а из прибыли владельцы продвигали на российском рынке неизвестные бренды газировки. Зачем «Союзконтракт» всаживал девятизначные суммы в продвижение разных «Херши» и других забытых нами вод, мне до сих пор непонятно, но маркетинг у них был размашистый. 1 сентября они устраивали в СКК «петербургский» концерт-праздник для школьников, и выпустить газету к такому вселенскому событию должен был «Коммерсантъ». На меньшее, надо думать, они бы не согласились. Так родилось первое приложение, выпущенное издательским домом. Незаконнорожденное, оно каким-то неотслеживаемым образом оказалось в московской редакции, где вызвало, как ни странно, одобрение. А дальше все пошло по нарастающей: мы сделали приложение про телекоммуникации — успех и огромный отклик. Про еду — снова попадание. Уже через несколько месяцев перешли на цвет — приложения стали печатать в Финляндии. В 1996 году у нас в цветном приложении «Коммерсантъ-Телеком» купили полос семь рекламы — написать столько же текстов исключительно про питерскую связь было невозможно. Стали заказывать тексты московским авторам, давали им задания, платили гонорары.

Мы попали с этими приложениями настолько точно в цель, что вскоре ими заинтересовались рекламодатели в Москве. И мы оперативно перешли на формат приложений для двух столиц, при этом делалось все по-прежнему из Питера. Понятно, что рано или поздно Москва должна была забрать приложения к себе, что и в итоге и произошло. Да и вообще, модель тематических приложений вскоре переняли чуть ли не все издательские дома, некоторые только благодаря им и выжили в последующие кризисы. Но внедрились и обкатали первыми эту модель именно мы, питерская редакция „Ъ“. Честь и хвала за это решительной девушке Дуне Смирновой.

**Владимир Александров,
главный редактор сайта Firstnews:**

— Я работал в питерском офисе «Коммерсанта» в 1994–1999 годах и писал тексты для отдела преступности. Был, как тогда это называлось в „Ъ“, «руководителем темы преступности».

По всей стране говорили о «бандитском Петербурге», хотя, конечно, он никогда не был настоящей столицей российской преступности — ею всегда и во все времена являлась Москва. Но вот что значит «черный пиар» и оброненное известным коллегой словосочетание.

Хотя что-то в этом было. Прямо в центре города ранним летним утром убили вице-губернатора Михаила Маневича, а спустя какое-то время, уже осенью следующего года, — депутата Госдумы Галину Старовойтову. До этого года за два в клубе «Джой» застрелили авторитета «Дядю Славу» Кирпичева, которого почему-то считали «божьем человеком». В общем, стрельба и взрывы шли по всему городу почти непрерывно. И мы — Юлия Шум, Павел Дьяконов, чуть позже Андрей Цыганов, ну и я — все эти дела описывали как могли. Работы было много. Нам звонили и просили что-то не писать. Или наоборот написать. Или обещали приехать. И пару раз, кстати, приезжали. Но все как-то обошлось.

Время было страшное и веселое одно-

временно — нечто жуткое копошилось, пыталось схватить щупальцами, сожрать или по крайней мере укусить. Но все-таки это была жизнь: все летело со страшной скоростью, все менялось порой по несколько раз за полгода. И казалось, что из этого гумуса вырастет-таки нечто вечнозеленое, ну и, соответственно, доброе-вечное.

Ну вот — выросло. Часть наших персонажей — в столице, руководит страной. Про остальных с полной ответственностью можно сказать: «Иных уж нет, а те далекие».

Может, это и наивно, но это была не просто работа — это была идея. Потом стало просто ремесло — любимое или нет, кому как повезло. Мне, в общем, интересно им заниматься.

Ну а всем, кто начинал питерский «Коммерсантъ» и кто читал наши тогдашние заметки, — большой привет.

**Ангелина Давыдова,
директор Русско-немецкого бюро
экологической информации:**

— Самый курьезный случай, происшедший со мной в редакции „Ъ“ на Харьковской улице, был связан с затоплением редакции. Дело в том, что в одной из квартир, располагавшихся над издательским домом, был размещен мини-бассейн — именно из-за него в один из рабочих вечеров забило всю водопроводную систему дома и вода начала подниматься из подвала, затопливая пол первого этажа. Номер мы сдавали, катаясь на стульях на колесиках по затопленной и вспухшей фанере — кое-где уровень воды достигал 15 см. Именно в тот вечер я писала заметку на первую полосу московского номера, что-то про то, как украденные в Евросоюзе машины будут находить и изымать у нынешних владельцев в РФ, уже в условиях наводнения беря интервью у «Интерпола». Впоследствии, когда я проходила собеседование на журналистскую программу в Оксфорде, меня попросили вспомнить какой-то случай работы в крайне сложных условиях из моей журналистской практики. Я почему-то вспомнила именно эту историю с наводнением — чем изрядно интервьюеров и насмешила. Потом я поехала в Оксфорд, а дальше началась уже совсем другая часть жизни.

**Сергей Полотовский,
переводчик:**

— На заре третьего тысячелетия я работал корреспондентом отдела культуры в статусе «слуги за все». Писал про рестораны, кино, выставки, один раз даже про балет, когда Юлия Яковлева «забастовала». А уж про популярную музыку — без вопросов. Тогда, в 2000-м, как раз у «Ленинграда» вышел альбом «Дачники». В манере, свойственной двадцатипятилетним, я начал рецензию так: «Еще Вордсворт в предисловии ко второму изданию „Песен и баллад“ постулировал...» В нервный час сдачи номера меня пригласили в «аквариум». Из Москвы приехала строгая ответсек и вызывала всех по очереди на ковер. «Что это такое?!» «Как что? Рецензия». «Это же типичная заказная статья!» «Почему?» «Вот вы корреспондент отдела культуры, ну вам же не может всерьез нравиться группа „Ленинград“». «Вообще-то она мне нравится». «Она тут всем нам нравится», — неуверенно вступилась за меня выпускающая. «Вообще-то да», — подал голос годами молчавший корректор. Статью так и напечатали.

**Иван Макаров,
пресс-секретарь ВТБ24 по Северо-Западному
федеральному округу:**

— Я работал финансовым обозревателем „Ъ“ в Санкт-Петербурге с декабря 2003 по апрель 2007 года. Первым моим ярким впечатлением стало, конечно, познание издательской системы «Коммерсанта». Очтившись в рядах питерской редакции „Ъ“ в декабре 2003 года, меньше всего я ожидал увидеть систему сдачи номера, основанную на платформе, подозрительно смахивающей на редактор «Лексикон».

«Это тебе повезло, что ты в питерской редакции работаешь, — доверительно сообщил мне в ответ на мое недоумение наш системный администратор. — У нас вот тут есть прогаммка, которая из „Ворда“ в нужный txt-формат перегоняет. А вот в Москве такой прогаммки нет. Все по старинке печатают».

Уже потом был анекдот с креслом, которое я купил за свои кровные, устав крутиться на старом офисном стуле, и в течение двух недель принимал затем «экскурсии» из желающих не только приобщиться к комфорту, но и ядовито заметить, что у генерального директора питерского „Ъ“, удачно сэкономившего на стульях, кресло, конечно, значительно хуже. Однако, проигрывая в техническом оснащении, „Ъ“ был и оставался совершенно уникальным по своему духу местом. Атмосфера элитарного клуба, где каждый — и корреспондент, и редактор, и фотограф, и корректор — был лучшим в своей сфере, и не только по самоощущению. И эта атмосфера оправдывала любые бытовые мелочи. Уже пять лет, как мой быт не связан с питерской редакцией «Коммерсанта». Но я старательно берегу в душе, а отнюдь не в омуте памяти для выживания по случаю очередной юбилейной даты, наш твердый знак свободомыслия и лихого творчества.

**Дмитрий Новокшонов,
преподаватель СПбГУ, писатель:**

— Помню себя на практике в Москве. История произошла в день, когда все информагентства распространили новость, что в Чечне убит генерал Дудаев. Я в тот момент сидел и мучился с текстом одного московского автора. Что-то про бизнес было написано. Галиматя страшная, чушь неопишная. Заявлено на нее было в номере 50 строк. А после того, как я над текстом поработал, осталось строк 20. Вызвал автора. Самоуверенного, сытого, дорого упакованного. А он ни мычит ни телится, по существу добавить ничего не может. А я тогда застенчивый был, сижу, боюсь — что делать? Газета федеральная, а из-за меня важный, в номер заявленный материал пострадал. Ерзаю, переживаю. И вот, к страху моему, подходит Петр Холобаев. Он главный на выпуске в тот день был, а до того тоже в шкуре рерайтера долго пожил. И спрашивает: «Ну, как дела?»

Я с трепетом отвечаю: «Да вот текст. Заявлено 50 строк, а я из „рыбы“ только 20 выжал. И автор ничего добавить не может. Не знаю, что делать». Петр посмотрел, посмеялся и говорит: «Ерунда какая-то написана. И ты на нее время тратишь? Бросай ерундой заниматься, бери следующий текст, а этот я просто сниму».

И пошел дальше. В тот момент понял я, что главное в работе рерайтера. И осознал, что не зря ИД «Коммерсантъ» потратил деньги на мою командировку. Ибо в тот момент я и стал чистильщиком-редактором. ■